

Владимир И. ГАМЗА*

Николаевский национальный университет

им. В.А. Сухомлинского

Николаев

Украина

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЙ ПАНСИОН ТОДОРА МИНКОВА И ВОСПИТАНИЕ В НЕМ СЕРБСКИХ И ЧЕРНОГОРСКИХ ЮНОШЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Абстракт: В статье рассматриваются некоторые аспекты воспитания сербских и черногорских юношей в Южнославянском пансионе Тодора Минкова во второй половине XIX – начале XX века. Это учебно-воспитательное заведение было создано в г. Николаеве в 1867 году с целью получения балканскими юношами среднего образования в местной гимназии. В 1892 году после завершения деятельности пансиона в Николаеве Тодор Минков открыл новый пансион в Гродненской губернии как класс для подготовки южных славян к поступлению в российские военные корпуса.

Ключевые слова: Сербь, Черногорцы, Болгары, пансион, Тодор Минков, гимназия, воспитанники, военные корпуса.

Южнославянский пансион был создан в 1867 г. в городе Николаеве¹ известным болгарским возрожденцем Тодором Минковым. Это учебно-воспитательное заведение сыграло значительную роль в деле образования южных славян во второй половине XIX – начале XX века. Пансион стал кузницей балканских элит, внесших существенный вклад в освобождение своих народов от иноземного владычества, возрождение и построение независимых государств.

* gamzavi@ukr.net

¹ В настоящее время является областным центром в Южной Украине.

История Южнославянского пансиона включает два периода: основной, длившийся четверть века в Николаеве (1867-1892 гг.) и «белорусский» (1892-1906 гг.), в течение которого в семейном имении Тодора Минкова под названием Ровины, что находилось поблизости городка Дрогичин Гродненской губернии, он функционировал как подготовительный класс для военных учебных заведений.²

В пансионе за все время его функционирования проживали и воспитывались около 800 юношей, впоследствии образовавших значительную часть балканской интеллигенции, а имена не менее 50-и из них вошли в национальные и международные энциклопедии. Состав заведения был мультинациональным. Наряду с болгарами, составлявшими абсолютное большинство в пансионе воспитывались сербы, черногорцы, украинцы, русские, чехи и молдаване.

Обобщенные сведения о Южнославянском пансионе появились еще во времена его деятельности. Посетивший заведение в 1870 г. известный ученый-славист Нил Попов в докладе, прочитанном на заседании Славянского Благотворительного комитета в Москве, дал весьма высокую оценку проекту Минкова.³ В Болгарском историческом архиве хранится анонимная рукопись документа под названием «Образование славян как средство духовного и политического сближения их с Россией». Судя по стилю написания и приведенным фактам автором документа был сам Тодор Минков.⁴ Первое подробное исследование истории Южнославянского пансиона осуществил его выпускник, болгарский ученый, политик и государственный деятель Петар Абрашев. В 1909 г. он издал работу в форме комментариев к документам из архива Т. Минкова,⁵ а

² Государственных документов на право собственности Тодора Минкова на имение Ровины не обнаружено, однако в воспоминаниях его учеников и современников содержатся сведения о том, что оно действительно принадлежало основателю пансиона и его второй супруге Елизавете Михайловне (П. Абрашев, *Южно-славянският пансион в Николаев*. (Материали за историята на пансиона и биографията на неговия директор). Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, кн. XXV. Нова редица кн. VII, София 1909, 75; Национальная библиотека «Кирил и Методий» – Болгарский исторический архив (НБКМ-БИА), фонд 605, опись 1, архивная единица 1, № 2114).

³ Н. Попов, *Славянский пансион в Николаеве (читано на заседании Славянского Благотворительного Комитета в Москве 18-го октября 1870 года)*, Московские Университетские известия, № 9 (1870) 421–453.

⁴ Национальная библиотека «Кирил и Методий» – Болгарский исторический архив (НБКМ-БИА), фонд 29, опись 1, архивная единица 1, № 1–6.

⁵ П. Абрашев, *Южно-славянският пансион в Николаев*.

также художественную книгу воспоминаний об обучении в Николаевской гимназии и жизни в пансионе.⁶ Отдельные главы в своих воспоминаниях пансиону посвятили болгарские деятели Добри Ганчев⁷ и Михаил Греков.⁸ Много позднее в 1970 г. появилась документальная повесть о пансионе и его основателе, написанная Спиридоном Тодоровым.⁹

Южнославянский пансион был создан в период, когда активизировались попытки «великих сил» усилить свое влияние на Балканском полуострове. После Крымской войны (1853-1856 гг.) в геополитическом треугольнике «Россия – Западная Европа – Османская империя» традиционное взаимное противостояние сторон охватило среди прочих и гуманитарную сферу. Формирование собственных креатур и агентов влияния на Балканах стало неотъемлемой частью латентной политики России и западных держав, причем в реализации этих целей особое место отводилось образовательным стратегиям. Со своей стороны нарождающаяся балканская интеллигенция и предприниматели стремились использовать предоставляемые извне возможности для образования молодежи и приобщения ее к культурным и политическим ценностям стран-покровительниц.

В российских политических кругах посчитали целесообразным обучать славянских юношей на территории самой России, сконцентрировав их в одном месте. Выбор пал на судостроительный и портовый город Николаев, в котором находился штаб главного командира Черноморского флота и портов. При этом петербургские чиновники руководствовались несколькими аргументами. По их мнению в южном городе у выходцев со сравнительно теплых Балкан легче бы проходила адаптация к климатическим условиям, а благодаря его провинциальному характеру юноши не подвергались бы соблазнам разгульной жизни. Но еще большее значение имели факторы, связанные с необходимостью оградить южных славян от влияния различной политической пропаганды, которая имела место в крупных университетских городах – С. Петербурге, Москве и Киеве. Что касается Одессы, то по оценке статс-секретаря, министра народного просвещения А.В. Головнина она «представляла весьма много неудобств по причине постоянного наплыва в этот город как славянских пришельцев весьма сомнительного образа мыслей, так и

⁶ П. Абрашев, *Южно-славянския пансион на Ф.Н. Минкова в Николаев. (Спомени)*, София 1909.

⁷ Д. Ганчев, *Спомени 1864–1887*, София 1939.

⁸ М. Греков, *Спомени*, София 1971.

⁹ С. Тодоров, *Тодор Николаевич Минков. 1830–1906. Живот, дейност, заслуги*, София 1970.

всякого рода людей разных наций, имеющих лишь самое вредное влияние на учащуюся молодежь».¹⁰ Также предполагалось, что в отличие от Киева, где «преобладал западно-польский элемент», в Николаеве как и соседнем Херсоне не существовало угрозы ополячивания или украинизации балканской молодежи.¹¹

Еще одним поводом для организации обучения южных славян именно в Николаеве стало упразднение штурманской роты вследствие запрета держать России военный флот на Черном море по условиям Парижского мирного договора. На ее месте и решили открыть в 1862 г. мужскую гимназию с казенным пансионом на 40 воспитанников. Согласно «высочайше утвержденному» предложению А.В. Головнина «по мере выбытия из пансиона воспитанников Черноморской Штурманской роты принимались на вакансии пансионеров исключительно дети из славян, сербов и болгар, по выбору Министерства Иностранных Дел». Южным славянам соответственно передавались и государственные стипендии на проживание в пансионе. Первоначально утвержденная смета пансиона предусматривала содержание 40 воспитанников.¹²

Осенью 1863 г. в Николаев прибыл уроженец болгарского города Рушук, участник Крымской войны Тодор Минков, которого по рекомендации чиновников внешнеполитического ведомства назначили на должность надзирателя за южными славянами в казенном пансионе. Однако через два года по инициативе Николаевского губернатора генерал-адъютанта Б. Глазенапа, поддержанной руководством гимназии пансион закрыли, а балканских юношей распределили на проживание в частные квартиры. Это решение объяснялось тем, что воспитываясь в семьях «добропорядочных граждан» они быстрее интегрируются в российскую среду: выучат русский язык, приобщатся к мещанскому быту, воспримут местные нравы и т. п. В действительности же южные славяне оказались в немецких семьях, где по понятным причинам звучала преимущественно немецкая речь. Тодор Минков, решительно выступил против расформирования пансиона и, используя свои связи в политических верхах, добился в феврале 1867 г. возобновления его

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА), фонд 733, опись 147, архивная единица 15, № (лист) 194.

¹¹ П. Оджакон, *Южнославянския пансион на г-на Тодора Николаевича Минкова в Россия – гр. Николаев*. Материяли из историята на учебното дело в България, св. 2, редактор Н. Ив. Ванков, София 1905, 45.

¹² РГИА, ф.733, оп. 78, а.е. 1068, № 147.

работы, но уже как частного заведения, в котором он совмещал должности директора и содержателя.¹³

Проявив блестящие администраторские способности, Т. Минков успешно построил свой проект в образовательный комплекс, включавший на практике кроме пансиона еще три николаевских учебных заведения: классическую гимназию, реальное училище, а также уездное училище. Инновационность подхода Тодора Минкова состояла в том, что его пансион был интегрирован в систему, условно объединявшую несколько учебных заведений, каждое из которых имело свою специфику.

В заведении Минкова воспитывалось немалое число сербов и черногорцев. Определить их персональный состав непросто, поскольку в большей части сохранившихся документов данные о национальном происхождении воспитанников не приводятся. Автор статьи определял имена и фамилии сербских и черногорских воспитанников на основании отдельных архивных документов, содержащих сведения о национальной идентификации, прямых и косвенных печатных источников, а также при помощи антропонимического анализа.

Подбор сербских и черногорских юношей на обучение в Николаеве осуществляли российские императорские консульства в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине. Дипмиссии направляли списки отобранных кандидатов в Азиатский департамент, где по каждому предложению принималось окончательное решение. В Николаев прибывали юноши из Белграда, Моравицы, Мостара, Смедерево и Цетиньи.

Первые персональные сведения о сербах, получающих образование в Николаевской гимназии, относятся к 1865 году. Тогда в казенном пансионе воспитывались два серба – Федор Лукич и тринадцатилетний Иванович (имя неизвестно). Но уже в октябре этого же года Лукич был отчислен из гимназии за неуспеваемость и, получив на руки специальный билет для прохождения границ, покинул Николаев.¹⁴

Известно, что в 1867 г. во вновь открытом пансионе Т. Минкова воспитывались сербскоподданные Георги Филипович и Милан Соколович из Черногории. В 1868 г. заведение пополнилось выходцем из Цетиньи черногорцем Душаном Сундечичем, а в следующем году в первый класс

¹³ РГИА, ф. 733, оп 78, а.е. 1069, № 27.

¹⁴ Государственный архив Николаевской области (ГАНО), фонд 230, опись 1, архивная единица 5539, № 130.

гимназии поступили пансионеры Александр Миланович из Моравицы (Хорватия) и Георгий Новакович из Белграда.¹⁵

Более подробные сведения о пребывавших в пансионе сербах и черногорцах приводятся в общем списке воспитанников, составленном на основании однодневной переписи жителей Николаева в апреле 1875 года. Согласно этому документу тогда в пансионе проживали: 47 болгар, 2 русских, 2 араба, 1 чех, 1 грек, 1 молдаванин, 4 серба и 4 черногорца – всего 62 воспитанника. Из числа сербов на подготовительном отделении для поступления в классическую гимназию учились: Иван Иванович, Георги Георгиевич, Николай Предич готовился стать «реалистом», а Николай Вуличевич, которому исполнился 21 год уже посещал 6-й – выпускной класс реального училища. Выходцы из Черногории – Григорий Мартинович и Григорий Среданович проходили подготовку для дальнейшей учебы в гимназии, ровесники – Димитрий Пламенец и Александр Цицович заканчивали соответственно 5-й и 6-й классы реального училища.¹⁶

Очевидно, что сербы и черногорцы, как и многие болгары при разделении Николаевской гимназии в 1873 г. на два отдельных учебных заведения – классическую гимназию и реальное училище – отдавали предпочтение последнему. Такой выбор южных славян объяснялся следующими причинами. В реальном училище юноши наряду с гуманитарными предметами углубленно изучали дисциплины естественнонаучного характера, в частности математику, химию и физику, а также практиковались в черчении и рисовании. Получив политехническое образование, они становились инженерами, агрономами, землемерами, которые в то время были очень востребованы. Кроме того, имея начальное образование, будущие пансионеры, сразу поступали в 3-й класс реального училища, проходили сокращенный курс обучения, экономив при этом немалые средства. Некоторые юноши, как Иван Иванович из Смедерево, проучившись несколько лет в гимназии, затем переводились на учебу в реальное училище. Этот пансионер закончил и дополнительный седьмой класс, что давало ему право продолжить образование в университете. Однако Тодор Минков ориентировал многих балканских юношей, обучающихся на подготовительном отделении на поступление в классическую гимназию, поскольку получив в свое время гимназическое образование в Белграде, считал его наиболее престижным и испытывал к нему особый пиетет.¹⁷

¹⁵ РГИА, ф. 733, оп 78, а.е. 1069, № 270–271.

¹⁶ ГАНУ, ф. 239, оп. 1, а.е. 34, № 42–43.

¹⁷ П. Абрашев, *Южно-славянският пансион в Николаев*, 12.

На учебу в Николаев нередко прибывали слабо подготовленные юноши, не способные сразу поступить в средние учебные заведения. В таких случаях содержатель пансиона направлял их «на подтягивание уровня знаний» в Николаевское уездное училище. Часть расходов на доучивание, проходившее год или два приходилось оплачивать родителям учеников. Известно, что Яков Дакович проучился в уездном училище всего полгода, но из-за задолженности по оплате в июне 1869 г. был отчислен.¹⁸

Пансионеры-гимназисты обучались бесплатно, «реалистам» же приходилось платить «за право учения в училище» сравнительно небольшую сумму – 40 руб. в год. В самом пансионе Тодора Минкова большинство сербских и черногорских юношей воспитывались за счет казенных стипендий в размере 300 руб., но были и «своекоштные славяне», проживание которых в пансионе оплачивали родители или меценаты. К такой категории принадлежал Душан Сундечич. Его соплеменник Михаил Четкович относился к полустипендиатам Святого Синода.¹⁹ Церковное ведомство выделяло половину суммы на оплату пребывания юноши в пансионе, а вторую – в размере 150 руб. покрывало Петербургское славянское общество. Симеон Говедарец был полустипендиатом Министерства народного просвещения, оставшуюся же часть оплачивал самостоятельно. Некоторые балканские юноши оказывались в пансионе Минкова благодаря славянским благотворительным обществам и комитетам, которые считали обучение «турецких славян» в России одним из важных направлений своей деятельности. В начале 80-х годов сербы Драгоман Михайлович и Афанасий Стойкович числились как «стипендиаты бывшего Московского славянского благотворительного общества», которое полностью оплачивало их воспитание в пансионе.²⁰

Порой из-за бюрократической волокиты возникали проблемы с оформлением государственных стипендий для пансионеров. Подобные заминки чаще случались в первые годы деятельности пансиона. Так, учащийся гимназии Милан Соколович из Черногории казенную стипендию получил не сразу. Возможности самостоятельно оплачивать свое воспитание он, вероятно, не имел и в списках 1870 г. числился как «пребывающий временно даром». Это означало, что Тодор Минков содержал этого пансионера за свой счет.²¹

¹⁸ ГАНО, ф. 131, оп. 1, а.е. 16, № 61, 91.

¹⁹ П. Абрашев, *Южно-славянският пансион в Николаев*, 44.

²⁰ Государственный архив Одесской области (ГАОО), фонд. 5, опись 1, архивная единица 192, № 13–14.

²¹ П. Абрашев, *op. cit.*, 44.

Успех деятельности Южнославянского пансиона во многом зависел от общей атмосферы и характера взаимоотношений между воспитанниками различных национальностей. Этнические различия в понимании Тодора Минкова должны были отступать на второй план перед общеславянской солидарностью. Разрабатывая документ «Об общих обязанностях воспитанников» он включил следующее положение: «Все воспитанники Южнославянского пансиона, несмотря на различие их наций, должны находиться между собой в отношениях братского товарищества. За обиды наносимые друг другу вследствие различия наций, а также бранные слова, драку... строго наказываются».²² По всей видимости, содержанию пансиона удавалось не допускать конфликтов на национальной почве, во всяком случае, во всех известных источниках сведений о подобных проблемах не обнаружено. Петар Абрашев в своих воспоминаниях приводит собственный пример, когда ему и воспитаннику Станишичу (его он называет «или сербом или македонцем») выдали общие учебники, и они вынуждены были совместно учиться по ним в пансионе и в гимназии. При этом между учениками установились теплые дружеские отношения. Позднее Абрашев предложил избрать неформальным лидером группы пансионеров черногорца Михаила Четковича, отличавшегося по его словам не только физическими данными, но и «добрым нравом».²³

Специфика пансиона Тодора Минкова состояла в том, что он осуществлял одновременно учебные и воспитательные функции. В специальных залах для занятий пансионеры готовили домашние задания, а в рекреационных помещениях их обучали пению и танцам. В заведении были организованы самодеятельный театр и хор, пользовавшиеся популярностью и за его стенами. Тодор Минков сформировал в пансионе солидную библиотеку, включавшую учебную и художественную литературу. При помощи своего наставника пансионеры издавали литературно-научный журнал «Братски труд». Несколько раз в месяц «инструктор фронтовой подготовки» из числа отставных армейских офицеров обучал балканских юношей основам военного дела.

Содержатель пансиона особое внимание уделял преподаванию языков. Учитывая слабую лингвистическую подготовку многих воспитанников, он организовал в своем заведении дополнительные занятия по французскому языку. Свообразным был подход Тодора Минкова к

²² Национальная библиотека «Кирил и Методий» – Болгарский исторический архив (НБКМ-БИА), фонд 29, опись 1, архивная единица 2, № 13.

²³ П. Абрашев, *Южно-славянския пансион на Ф.Н. Минкова в Николаев. (Спомени)*, 27, 111–112.

изучению его воспитанниками родных языков. В 1865 году, еще работая надзирателем в казенном пансионе, Минков обосновывал свое мнение по поводу преподавания в Николаевской гимназии болгарского и сербского языков, а также словесности. Он подчеркивал, что на учебу в Николаев южные славяне прибывали уже имея элементарные знания родного языка. Тодор Минков считал неоправданным отдельное преподавание болгарской или сербской литературы, поскольку на его взгляд «языки эти не достигли еще значительной степени в литературном отношении...», а то, что в настоящее время существует по этому предмету, может быть передано воспитанникам, основав при гимназии библиотеку из болгарских и сербских периодических изданий и книг». Минков советовал прежде всего включить в штат учебного заведения учителя греческого языка для изучения и понимания гимназистами «византийских древностей». Что же касается изучения болгарского и сербского языков, то он выражал готовность лично проводить занятия по этим предметам в воскресные дни и при этом ссылался на то, что он «родом болгарин, воспитывался же в Сербии...». Также Тодор Минков предлагал для совершенствования болгарами и сербами своих родных языков использовать метод взаимного обучения, предусматривавший передачу знаний от старших учеников младшим. Он высказал пожелание, чтобы российский консул в Белграде при представлении воспитанников для обучения в Николаеве «избрал одного, окончившего успешно 4-й класс сербской гимназии, чтобы в нем имел бы помощника для сербского языка».²⁴

Фактически же место учителя сербского языка в уже частном пансионе Минкова занял получивший российское образование со степенью кандидата богословия Иван Пичета. В 1867 г. содержатель пансиона обратился к Николаевскому военному губернатору с прошением о выдаче паспорта на «прожитие в России турецкоподданному уроженцу Герцеговины, окончившему курс в Киевской Духовной Академии Ивану Пичете...».²⁵ В Белградской семинарии места для Пичеты не нашлось, и по просьбе директора Азиатского департамента Петра Стремоухова он оказался в заведении Тодора Минкова.²⁶ Поскольку в то время сербов и черногорцев в пансионе было совсем мало, Ивану Пичете довелось здесь учительствовать недолго. Но у него появилась возможность перейти на

²⁴ П. Абрашев, *Южно-славянският пансион в Николаев*, 9–11.

²⁵ ГАНО, ф. 230, оп. 1, а.е. 5972, № 66.

²⁶ К. В. Мельчакова, *Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1850-1870-е гг.* Диссертация на соискание научной степени кандидата исторических наук, Москва 2015, 215.

работу в Полтавскую духовную семинарию, которую он со временем возглавил. Позднее ученый-богослов стал ректором Витебской семинарии. От брака с украинкой Марией Григоренко у него родился сын Владимир, ставший выдающимся историком-славистом, академиком АН СССР.²⁷

Примечательно, что болгарский язык как и сербский также изучался в пансионе временно. Болгарскую грамматику, словесность, историю и географию с 1867 по 1871 гг. преподавал известный просвещенец Петар Оджаков.²⁸

Проживая в Николаеве южные славяне постепенно интегрировались в местную среду. Они бывали в гостях у своих украинских и русских ровесников, ходили в театр, на балы и званые вечеринки, занимались репетиторской деятельностью. Также пансионеры регулярно посещали домовые церкви при учебных заведениях и службы в главных храмах города – соборах Григория Великия Армении и Рождества Пресвятой Богородицы.

Пансион Тодора Минкова в Николаеве был не только учебно-воспитательным заведением, но и южнославянским политическим форпостом в Российской империи. В заведении часто бывали известные балканские политики, ученые, общественные и религиозные деятели. Здесь обсуждались пути обретения полной политической независимости южных славян от Османской империи, собирались и хранились средства на организацию Апрельского восстания в 1876 г. в Болгарии. Отсюда Минков вел интенсивную и широкую корреспонденцию о «ходе славянских дел». Придерживаясь общеславянских идеалов, он тяжело переживал противоречия и раздоры, возникающие между болгарами и сербами и призывал их к солидарности и взаимопониманию. В письме к председателю славянского комитета И.С. Аксакову по поводу сербо-черногоро-турецкой войны, начавшейся летом 1876 г. он писал: «Правда, что Сербия занимает первое место в борьбе Славян за свободу, но успех зависит от единодушного натиска всех членов угнетенной семьи, а потому права каждого из них должны быть уважаемы, заслуги же его почитаемы».²⁹

Тодору Минкову пришлось пережить кризисную ситуацию, когда во время сербско-болгарской войны 1885 г. часть его воспитанников болгар намеревалась прекратить учебу и отправиться на фронт. Благодаря личному

²⁷ Из мемуаров В. И. Пичеты «Моя жизнь до 1905 года». Л. И. Уткина (сост., предисл., науч. коммент.) Российские и славянские исследования, Т. 4 (2009) 301.

²⁸ П. Оджаков, *Южнославянския пансион на г-на Тодора Николаевича Минкова в Россия - гр. Николаев*, 41.

²⁹ П.Абрашев, *Южно-славянският пансион в Николаев*, 55.

авторитету и дипломатическим способностям наставнику юношей удалось отговорить их от действий, которые он посчитал авантюрой.³⁰

Движимый идеей расширения возможностей получения южными славянами качественного образования Тодор Минков с большим энтузиазмом поддержал проект создания в Одессе пансиона для воспитания девушек – сербок и болгарок и принял участие в создании соответственной комиссии.³¹ В 1874 г. при Славянском обществе святых Кирилла и Мефодия был открыт «Питомник славянских девиц», в который принимались девочки от 10 до 15 лет. Это заведение имело большую популярность на Балканах и находилось под покровительством супруги российского монарха.³²

Управляя пансионом, Минков проявлял гибкость и придерживался политической корректности. Его воспитанник Добре Ганчев, ставший известным болгарским педагогом и ученым-мемуаристом в своих воспоминаниях писал о стремлении заведующего формировать состав воспитанников пансиона таким образом, чтобы он соответствовал названию южнославянского.³³ На протяжении всего периода деятельности пансиона Тодор Минков пытался привлекать сюда юношей из Западных Балкан, дабы заведение не приобретало исключительно болгарский характер. Однако число сербов и черногорцев не увеличивалось по нескольким причинам. В отличие от Болгарии учебное дело в Сербии развивалось более интенсивно, и наряду с гимназиями в городах Белград и Нови Сад в начале 70-х годов открылась гимназия в Смедерево. Необходимо учесть и тот фактор, что во второй половине XIX века на территории России практически уже не было сербских и черногорских поселений, откуда могли бы пополняться ряды пансионеров. К тому времени сербские анклавы в Новосербии и Славяносербии, сформированные в середине XVIII века на территории современной Украины в значительной степени были ассимилированы украинцами и русскими. Историки и этнологи отмечают, что на рубеже XIX-XX веков следы сербского этноса в этом регионе практически не прослеживались и о его проживании на военно-поселенческих территориях свидетельствовали лишь встречающиеся антропонимы сербского происхождения и старые ротные названия населенных пунктов.

³⁰ П. Абрашев, *Южно-славянския пансион на Ф.Н. Минкова в Николаев. (Спомени)*, 74–75.

³¹ П. Абрашев, *Южно-славянският пансион в Николаев*, 51.

³² ГАОО, Ф. 5, оп. 1, а.е. 1220, № 1–14.

³³ Д. Ганчев, *Спомени 1864–1887*, 13.

Судьбы сербских и черногорских юношей, воспитывавшихся в Николаевском пансионе складывались по-разному. Часть из них после окончания учебы возвращалась в родные места, пытаясь найти там применение своим знаниям. Порой выпускники включались в общественную и революционную деятельность. К примеру, Георги Филиппович откликнулся на приглашение Цетинского комитета Омладины присоединиться к делу национального освобождения.³⁴

Некоторые воспитанники Минкова оставались в Николаеве, создавали здесь семьи и принимали российское подданство. Одним из них стал выпускник реального училища Николай Вуличевич. Известно, что его сын Борис Николаевич Вуличевич избрал военную стезю, воевал в Первой мировой войне, дослужился до генерал-майора, в годы гражданской войны стал участником белого движения на Севере России, впоследствии был захвачен красноармейцами и расстрелян.³⁵ Среди известных выпускников Николаевской гимназии и Душан Сундечич. Оставаясь черногорским гражданином, он сделал карьеру на российской железной дороге, руководил Саратовскими железнодорожными мастерскими.³⁶ На основании сравнительных биографических данных можно предположить, что именно воспитанник Минкова черногорец Александр Цицович стал известным генерал-лейтенантом, принимавшим участие в Первой мировой и гражданской войне в России. В 1918 году он перешел в армию украинской державы гетмана Скоропадского, был Киевским комендантом.³⁷

В конце 80-х годов количество пансионеров существенно сократилось, что было связано с открытием гимназий в Болгарии. Тодор Минков все чаще принимал в свое заведение детей местных украинцев и русских, понимая, что пансион на практике перестанет отвечать названию южнославянского, да и вовсе может прекратить свое существование. Он предпринял попытку открыть при пансионе приготовительный класс для всех желающих поступать в средние учебные заведения и обратился с соответствующим ходатайством к попечителю Одесского учебного округа.³⁸ Однако судя по дальнейшим событиям разрешения

³⁴ . В. Мельчакова, *Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1850-1870-е гг.*, 216.

³⁵ *Офицеры русской императорской армии. Категория: Персоналии.* <http://ria1914.info/index.php?title>.

³⁶ *Всероссийское Генеалогическое Древо. Служащие Рязанско-Уральской ж.д. (1866-1929 гг.)* <http://vgd.ru/search/index.php?q>

³⁷ *Нариси історії України. Цицович.* <http://history.franko.lviv.ua/IIIc.htm>

³⁸ ГАОО, ф. 42, оп. 35, а.е. 790, № 1–3.

он не получил и в 1892 году «николаевская» история Южнославянского пансиона закончилась.

Эта неудача не остановила Тодора Минкова. Имея огромный опыт педагогической, административной и политической деятельности, а также обладая к тому времени высоким чином действительного статского советника, он сумел найти новое продолжение своего дела по образованию южнославянской молодежи, но уже в военной сфере. Т. Минков заметил общую тенденцию роста престижа военной профессии в конце XIX века. Что же касается молодых балканских государств, то для них в ходе военного строительства потребность в инженерах, артиллеристах и других специалистах стала особенно ощутимой. Обдумывая контуры своего нового заведения, Тодор Минков пришел к выводу о необходимости создать центр подготовки балканских юношей к поступлению в российские военные учебные заведения. При этом он учитывал фактор хорошо развитой системы военного образования в России. Пользуясь собственным авторитетом и обширными связями в столице, наставник славянской молодежи успешно пролоббировал открытие подготовительного заведения. Местом для создания пансиона Т. Минков выбрал родовое имение Ровины вблизи городка Дрогичин Гродненской губернии в Беларуси. После закрытия пансиона в Николаеве он переехал туда вместе со своей второй супругой Елизаветой Михайловной и детьми.³⁹

Одно из первых упоминаний о новом проекте Т. Минкова содержится в письме директора Азиатского департамента МИДа графа Д.А. Капниста российскому министру-резиденту в Цетинье К.Э. Аргиропуло от 10 декабря 1892 года. Сообщая о выделенных правительством казенных стипендиях «сербским, болгарским, черногорским и босно-герцеговинским уроженцам» руководитель ведомства писал о том, что «для малолетних славян, предназначенных в наши кадетские корпуса, открыт особый класс д.с.с. Минковым, который взял на себя обязанности готовить их к приемному испытанию». Граф также подчеркивал, что в соответствии с правилами, выработанными комиссией по образованию славянских студентов при Азиатском департаменте списки кандидатов должны были направляться в ее адрес не позже 15 апреля со всеми документами.⁴⁰

Подготовительный класс в Гродненской губернии Тодор Минков превратил фактически в южнославянский пансион - II. Новое заведение как и в Николаеве имело частный характер, однако действовало на

³⁹ НБКМ-БИА, ф. 29, оп. 1, а.е. 9, № 1–6.

⁴⁰ В.Б. Хлебникова, *Жизнь черногорских студентов в конце XIX-начале XX века. Надежды и реальность. Черногорцы в России*, Москва 2011, 197 <https://inslav.ru/publication/chernogorcy-v-rossii-m-2011>

основании правил, составленных вышеуказанной комиссией. В отличие от николаевского заведения воспитание и обучение юношей в Ровинах осуществлялось в одном здании. Главная задача пансиона состояла в подготовке южнославянских мальчиков к поступлению в кадетские корпуса (военные гимназии), выполнявшие начальную роль в системе военного образования. После окончания подготовительного класса воспитанники Минкова сдавали экзамены на поступление в военные корпуса в Санкт-Петербурге, Москве, Симбирске, Воронеже, Варшаве, Сумах, а также Полтаве. Проучившись в течение 7 лет в корпусах, юноши получали возможность продолжить образование в военных училищах. Вершиной военного образования в Российской империи являлись академии, куда отбирали наиболее талантливых и перспективных офицеров.

В эпистолярном наследии Тодора Минкова, хранящемся в Болгарском историческом архиве присутствуют списки южнославянских пансионеров, обучавшихся в Ровинах. Списки первого набора в подготовительный класс относятся к 1894-1895 учебному году. Однако, исходя из вышеуказанного письма директора Азиатского департамента, можно предположить, что первая группа южных славян села за учебные парты двумя годами ранее. Последний выпуск подготовительного класса состоялся в 1906 г., что было связано со смертью Тодора Минкова. В соответствии с имеющимися данными, за весь период работы класса подготовку к поступлению в военные корпуса прошли около 165 человек. В действительности же количество пансионеров обучавшихся в пансионе было значительно большим, поскольку отсутствуют списки за 1895-1896 и 1896-1897 учебные годы. Кроме того существующие списки являются неполными, что подтверждается данными из других архивных фондов.⁴¹

По национальному признаку большинство воспитанников нового пансиона составляли болгары. Однако сербов и черногорцев в процентном соотношении к общему числу пансионеров училось заметно больше чем в николаевском пансионе – 24 процента (всего 39 юношей), причем преобладали черногорцы. Примечательно, что восточнославянские фамилии в имеющихся списках почти не встречаются.

В Ровины приезжали девяти – десятилетние мальчики, получившие минимальное образование в общинных, церковных и частных школах у себя на родине. Здесь будущие кадеты изучали Закон Божий, русский язык, чтение, грамматику, письмо, чистописание, арифметику. Также оценивались поведение и прилежание юных курсантов. Хотя программа подготовительного класса была рассчитана на один учебный год,

⁴¹ НБКМ-БИА, ф. 29, оп. 1, а.е. 2, № 27–29.

отстающим юношам приходилось «подтягивать» свои знания до необходимого уровня в течение двух лет.

При создании нового пансиона Тодор Минков столкнулся с проблемой подбора квалифицированных учителей. В соседнем небольшом Дрогичине, как и во всем Кобринском уезде, куда входили Ровины, было непросто найти педагогические кадры, удовлетворявшие строгим требованиям Минкова. О претензиях к методам обучения, использовавшимся учителем русского языка писал в своих воспоминаниях выпускник пансиона болгарин Коста Тодоров.⁴² Но Тодору Минкову удалось преодолеть кадровые проблемы и наладить учебный процесс на должном уровне.

Известно, что одними из первых юношей, поступивших в пригготовительный класс из Сербии и Черногории в 1894 году были Александр Андолевич и Владимир Георгиевич. Они прошли подготовку к поступлению в корпуса в течение одного года. Два года в пансионе провели Реля Брабич, Балти Джуркович, Михаил Ковачевич и Бориван Кресто.⁴³

Персональный состав воспитанников свидетельствует о том, что в пансионе учились родственники многих деятелей, ранее обучавшихся в Николаеве. Очевидно, что сказывался авторитет Тодора Минкова. Ученик подготовительного класса Михаил Згурев, обращаясь в январе 1897 года к своему наставнику, известному болгарскому политику, министру Теодору Теодорову так описывал ситуацию в пансионе: «Здесь, слава Богу, все благополучно... Еще три месяца с половиной и поедем в Москву на экзамен, а некоторые поедут в Симбирск или в Полтав... Есть 48 прошений, очень многие желают поступить сюда, но очень трудно будет, чтобы здесь приняли кого-нибудь...». Перечисляя фамилии своих одноклассников, Згурев называет и их национальности: «... Брабич, Костич и Джурич сербы, а все остальные болгары».⁴⁴ Важно учесть, что в 1897-1898 учебном году в пансионе проходили подготовку 20 юношей. Таким образом, количество желающих попасть в заведение Т. Минкова более чем вдвое превышало квоту мест, выделенных Комиссией.⁴⁵

В новом пансионе прослеживалась клановость не только среди болгарских воспитанников, но и среди сербских и черногорских юношей. В классе проходили подготовку два Брабича, пять Джурковичей, шесть Поповичей, что свидетельствовало с одной стороны об определенном протекционизме при приеме в пансион, а с другой – о хороших условиях

⁴² К. Тодоров, *Изповедта на една луда балканска глава*, София 1994, 10.

⁴³ НБКМ-БИА, ф. 29, оп. 1, а.е. 2, № 27–29.

⁴⁴ НБКМ-БИА, ф. 273, оп. 1, а.е. 850, № 1–2.

⁴⁵ НБКМ-БИА, ф. 29, оп. 1, а.е. 2, № 27.

проживания и обучения, о которых учащиеся сообщали своим ближайшим родственникам. В 1903-1904 учебном году в классе Т. Минкова учился Бакич (имя неизвестно), вероятно имевший родственное отношение к известному генералу А.С. Бакичу.⁴⁶

Тодор Минков, исходя из опыта работы в Николаеве, придавал большое значение налаживанию хороших отношений с властью предержащими. Управляя своим заведением в Гродненской губернии, он использовал такой испытанный прием как содействие влиятельным лицам в получении наград. Зная о том, что в российской чиновничьей элите существовало стремление обзавестись черногорскими наградами, он просил возглавлявшего дипломатическую миссию России в Черногории тайного советника К. А. Губастова «устроить награду черногорским орденом» гродненскому губернатору действительному статскому советнику Н.А. Добровольскому.⁴⁷ Сам же Тодор Минков, имевший немало российских и болгарских наград, всегда носил на парадном мундире орден князя Даниила I, состоящий из креста и нагрудной звезды.

Абсолютное большинство мальчиков, закончивших класс в Ровинах, успешно сдавали вступительные экзамены и впоследствии становились кадетами, а заведение Т. Минкова приобретало все большую популярность. Так, в июне 1900 г. в письме Губастову Минков с гордостью сообщал о том, что все его воспитанники черногорцы достойно выдержали вступительный экзамен. Ранее Тодор Минков о хороших результатах экзамена уведомил телеграммой черногорского воеводу Симо Поповича.⁴⁸

Содержатель пансиона всегда оставался верным своему принципу оказывать максимальное содействие и тем своим воспитанникам, у которых при поступлении в учебные заведения возникали трудности. Ходатайствуя за своих питомцев, Тодор Минков иногда прибегал к хитростям и уловкам. В вышеуказанном письме он подробно и откровенно рассказал российскому сановнику, каким способом он уладил проблему с поступлением в корпус в Петербурге его протеже Блажо Марковичу. Минков в частности писал: «Дело в том, что по метрике ему (Марковичу) показано всего 11 лет, но он как по росту, так и по виду выглядит, по

⁴⁶ НБКМ-БИА, ф. 29, оп. 1, а.е. 2, № 27–29.

⁴⁷ В. Б. Хлебникова, *Жизнь черногорских студентов в конце XIX-начале XX века. Надежды и реальность*, 202.

⁴⁸ В. Б. Хлебникова, *Жизнь черногорских студентов в конце XIX-начале XX века*, 202.

крайней мере, на 17-летнего юношу, на что обратили внимание в Корпусе, и вот чтобы уладить это дело, я решил рассказать им небылицу про то, что будто бы отца Марковича я лично знаю, и что он мужчина около 4 арш. роста, а между тем мать у него крохотная женщина и т.п. ...».⁴⁹ Неизвестно, что более повлияло на офицеров приемной комиссии – выдуманный рассказ Минкова или его личный авторитет, но в итоге Блажо Маркович стал кадетом, а в 1908 году этот юноша при поддержке славянского благотворительного общества уже готовился стать юнкером.

Известно, что воспитанники Т. Минкова Миодраг Милетич и Михаил Миткович учились в одном из старейших военных заведений – Петровском Полтавском корпусе.⁵⁰ В открывшийся в 1899 году Сумский кадетский корпус поступили Чедомир Груич, Жарко Милованович, Дмитрий Мичковец и Владимир Петрович,⁵¹ а воспитанник Брабич стал кадетом Варшавского Суворовского корпуса.⁵²

После окончания корпусов южнославянские юноши, как правило, продолжали учебу в военных училищах. Мечтой многих из них было попасть в готовившее офицеров пехоты наиболее престижное Александровское военное училище в Москве. Тут полное военное образование посчастливилось в частности получить Чедомиру Груичу, Боривану Крецо, Миодрагу Милетичу.

Некоторые сербы и черногорцы, надев офицерские погоны, переходили в российское подданство и осуществляли военную карьеру в России. Среди них воспитанник Минкова Деан Джуркович, принявший участие в Первой мировой войне в чине подпоручика. Всего через год он дослужился до капитана, получил ранение, а за воинскую доблесть был награжден орденом Святого Георгия.⁵³ Георгиевским крестом наградили и участника войны Чедомира Груича.⁵⁴

⁴⁹ Исто, 201.

⁵⁰ *Материалы к истории Петровского Полтавского кадетского корпуса. Полтава.* Электронная типография Г. И. Маркова. Панский ряд. 1909. <http://histpol.pl.ua/ru/petrovskij-poltavskij-kadetskij-korpus/4964-spisok-kadet-petrovskogo-poltavskogo-kad>

⁵¹ С. Яковлевич Кремер, *Сумский кадетский корпус 1900-1950. Рукопись. Приложения*, 6 http://militera.lib.ru/h/kremer_sj01/index.html

⁵² *Суворовский кадетский корпус.* <http://rial914.info/index.php?title>

⁵³ *Георгиевские кавалеры Великой войны 1914-1918.* http://cavalier.rusarchives.ru/awards?AwardRec_page=88

⁵⁴ С. Яковлевич Кремер, *Сумский кадетский корпус 1900-1950.*

Тодор Минков заботился не только о своих воспитанниках, но и с характерной для него настойчивостью содействовал в получении российского высшего образования и тем балканским юношам, которые получали среднее образование у себя на родине. Так, в 1893 г., побывав вместе с министром народного просвещения в Новой Александрии (Варшавский учебный округ), он оказался под впечатлением от открытого там Агрономического лесного института и сразу же обратился к К.Э. Аргиропуло с предложением направить туда учиться одного черногорца. При этом наставник южных славян взял на себя обязательство выхлопотать для него стипендию, так как в этом заведении обучение иностранцев за казенный счет не предусматривалось.⁵⁵

Образовательный проект Тодора Минков шагнул далеко за рамки обыкновенного учебно-воспитательного заведения и по своей значимости вышел на европейские культурно-образовательные горизонты, сыграл заметную роль в подготовке балканских элит. Тема Южнославянского пансиона и воспитания в нем сербских и черногорских юношей еще недостаточно изучена. Для того чтобы заполнить белые страницы в истории этого уникального заведения и с большей точностью проследить судьбы воспитанников Тодора Минкова необходимы интегрированные научные поиски ученых-славистов из разных стран.

⁵⁵ В. Б. Хлебникова, *Жизнь черногорских студентов в конце XIX-начале XX века. Надежды и реальность*, 186.

Приложения

Список

сербских и черногорских воспитанников Южнославянского пансиона, действовавшего в г. Николаеве (1867-1892 гг.) с указанием национальности и учебного заведения

1. Вуличевич Николай	серб	реальное училище
2. Георгиевич Георгий	серб	гимназия
3. Герич Урбан	серб	не установлено
4. Говедарец Симеон	не установлена	реальное училище
5. Дакович Яков	черногорец	уездное училище
6. Иванович	не установлена	не установлено
7. Иванович Георгий	серб	не установлено
8. Иванович Иван	не установлена	реальное училище
9. Костович	серб	не установлено
10. Лукич Федор	не установлена	гимназия
11. Мартинович Григорий	серб	гимназия
12. Миланович Александр	черногорец	гимназия
13. Михайлович Драгоман	не установлен	не установлено
14. Новакович Георгий	серб	гимназия
15. Пламенец Димитрий	черногорец	реальное училище
16. Предич Николай	серб	гимназия
17. Соколович Милан	черногорец	гимназия
18. Среданович Григорий	черногорец	гимназия
19. Станишич	серб	реальное училище
20. Стойкович Афанасий	серб	реальное училище
21. Сундечич Душан	черногорец	гимназия
22. Филиппович Георги	черногорец	гимназия
23. Цицович Александр	черногорец	реальное училище
24. Четкович Михаил	черногорец	гимназия

Список

сербских и черногорских воспитанников Южнославянского пансиона, действовавшего в Гродненской губернии (1892-1906 гг.) с указанием учебного года

1. Андолевич Александр	1894-1895 учебный год
2. Бакич	1903-1904
3. Брабич Реля	1897-1898, 1898-1899
4. Брабич	1902-1903
5. Вукичевич Филип	1904-1905
6. Вукичевич-Саран Стефан	1904-1905
7. Георгиевич Владимир	1894-1895
8. Груич Чедомир	1904-1905
9. Джурич Ватзар	1894-1895
10. Джуркович Балти	1899-1900, 1900-1901
11. Джуркович Деан	1903-1904
12. Джуркович Марко	1899-1900
13. Джуркович Никич	1897-1898
14. Джуркович Спиридон	1905-1906
15. Драгович Георгий	1903-1904
16. Ковачевич Михаил	1899-1900, 1900-1901
17. Костич Бориван	1897-1898
18. Крецо Бориван	1903-1904, 1904-1905
19. Лазович Любомир	1904-1905
20. Маркитич-Саран Николай	1904-1905
21. Маркович Блажо	1899-1900
22. Милетич Миодраг(с)	1905-1906
23. Миличевич Николай	1903-1904
24. Милованович Жарко	1904-1905
25. Миткович Михаил	1904-1905
26. Михайлович Александр	1901-1902
27. Мичковец Дмитрий	1900-1901
28. Пантелич Георгий	1905-1906
29. Петрович Владимир	1901-1902
30. Попович Баки	1898-1899
31. Попович Георгий	1899-1900

32. Попович Дмитрий	1899-1900
33. Попович Жарко	1905-1906
34. Попович Милеван	1898-1899
35. Попович Пантелей	1903-1904
36. Радович Стефан	1900-1901
37. Рокосович	1903-1904
38. Ронасович Михаил	1902-1903
39. Янич Святослав	1902-1903

Тодор
(Федор Николаевич)
Минков

Тодор Минков с пансионерами. 1882г.

Воспитанники Тодора Минкова перед зданием пансиона в Николаеве

Николаевская Александровская гимназия

ЛИСТА РЕФЕРЕНЦИ – LIST OF REFERENCES

Архиви – Archives

- Государственный архив Николаевской области, Украина – Фонды: Николаевское Первое высшее начальное училище; Канцелярия Николаевского военного губернатора; Николаевский городской статистический комитет. [Gosudarstvennyj arhiv Nikolaevskoj oblasti, Ukraina – Fondy: Nikolaevskoe pervoe vysshee načaljnoe učilišče; Kanceljarija Nikolaevskogo voennogo gubernatora; Nikolaevskij gorodskoj statističeskij komitet]
- Государственный архив Одесской области, Украина – Фонды: Управление Временного одесского генерал-губернатора; Канцелярия попечителя Одесского учебного округа. [Gosudarstvennyj arhiv Odesskoj oblasti, Ukraina – Fondy: Upravlenie Vremennogo odesskogo general-gubernatora; Kanceljarija popečitelja Odesskogo učebnogo okruga]
- Национальная библиотека «Кирил и Методий» – Болгарский исторический архив, Болгария – Фонды: Тодор Николаев Минков; Теодор Иванов Теодоров. [Nacionalnaja biblioteka «Kiril i Metodij» – Bolgarskij istoričeskij arhiv, Bolgarija – Fondy: Todor Nikolaev Minkov; Teodor Ivanov Teodorov]
- Российский государственный исторический архив, Россия – Фонд Департамента народного просвещения. [Rossiskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv, Rossija – Fond Departamenta narodnogo prosveščeniija]

Источники – Primary Sources

- Абрашев П., Южно-славянский пансион в Николаев (Материалы за историята на пансиона и биографията на неговия директор). Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, кн. XXV. Нова редица, кн. VII, Държавна печатница, София 1909. [Abrašev P., *Južno-slavjanskijata pansion v Nikolaev (Materiali za istorijata na pansiona i biografijata na negovija direktor)*. Sbornik za narodni umotvorenija, nauka i knižnina, kn. XXV. Nova redica, kn. VII. Družavna pečatnica, Sofija 1909]
- Всероссийское Генеалогическое Древо. Служащие Рязанско-Уральской ж.д. (1866–1929 гг.). [Vserossijskoe Genealogičeskoe Drevo. Služaščie Rjazansko-Uraljskoj ž.d. (1866–1929 gg.)] <http://vgd.ru/search/index.php?q>
- Георгиевские кавалеры великой войны 1914–1918. [Georgievskie kavaleri velikoj vojni 1914–1918] http://cavalier.rusarchives.ru/awards?AwardRec_page=88
- Из мемуаров В. И. Пичеты «Моя жизнь до 1905 года», Л. И. Уткина (сост., предисл., науч. коммент.), Российские и славянские исследования, т. 4 (2009) 301. [Iz memuarov V. I. Pičeti «Moja žiznj do 1905 goda», L. I. Utkina (sost., predisl., nauč. komment.), Rossijskie i slavjanskije issledovanija, t. 4 (2009) 301]
- Кремер С. Яковлевич, Сумский кадетский корпус 1900–1950. Рукопись. Приложения. [Kremer S. Jakovlevič, *Sumskij kadetskij korpus 1900–1950. Rukopis. Priloženija*] http://militera.lib.ru/h/kremer_sj01/index.html
- Материалы к истории Петровского Полтавского кадетского корпуса. Полтава. Электронная типография Г. И. Маркова. Панский ряд, 1909. [Materiali k istorii Petrovskogo Poltavskogo kadetskogo korpusa. Poltava. Jelektronnaja tipografija G. I. Markova. Panskij

- rjad, 1909] <http://histpol.pl.ua/ru/petrovskij-poltavskij-kadetskij-korpus/4964-spisok-kadet-petrovskogo-poltavskogo-kad>
- Нариси історії України. Цицивич. [Narisi istorii Ukraini. Cicovič] <http://history.franko.lviv.ua/IIIc.htm>
- Офицеры русской императорской армии. Категория: Персоналии. [Oficieri ruskoj imperatorskoj armii. Kategorija: Personalii] <http://ria1914.info/index.php?title>
- Попов Н., Славянский пансион в Николаеве (читано на заседании Славянского Благотворительного Комитета в Москве 18-го октября 1870 года). Московские Университетские известия, № 9 (1870) [Попов N., Slavjanskij pansion v Nikolaevе (čitano na zasedanii Slavjanskogo Blagotvoriteljnogo Komiteta v Moskve 18-go oktjabrja 1870 goda), Moskovskie Universitetskie Izvestija, №9 (1870)]
- Суворовский кадетский корпус. [Suvorovskij kadetskij korpus] <http://ria1914.info/index.php?title>

Литература – Secondary Works

- Абрашев П., Южно-славянския пансион на Ф.Н. Минкова в Николаев. (Спомени). Придворна печатница, София 1909. [Abrašev P., Južno-slavjanskija pansion na F.N. Minkova v Nikolaev. (Spomeni). Pridvorna pečatnica, Sofija 1909]
- Ганчев Д., Спомени 1864–1887, София 1939. [Gančev D., Spomeni 1864–1887, Sofija 1939]
- Греков М., Спомени, София 1971. [Grekov M., Spomeni, Sofija 1971]
- Мельчакова К.В., Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1850–1870-е гг. Диссертация на соискание научной степени кандидата исторических наук, Москва 2015. [Meljčakova K.V., Bosnija i Gercegovina v obščestvenno-političeskoj žizni Rossii v 1850–1870-e gg. Dissertacija na soiskanie naučnoj stepeni kandidata istoričeskih nauk, Moskva 2015]
- Оджаков П., Южнославянския пансион на г-на Тодора Николаевича Минкова в Россия – гр. Николаев. Материяли из историята на учебното дело в България, св. 2, редактор Н. Ив. Ванков, София 1905. [Odžakov P., Južnoslavjanskija pansion na g-na Todora Nikolaeviča Minkova v Rossija – gr. Nikolaev. Materijali iz istorijata na učebnoto delo v Bulgarija, sv. 2, redaktor N. Iv. Vankov, Sofija 1905]
- Тодоров К., Изповедта на една луда балканска глава, София 1994. [Todorov K., Izpovedta na една луда balkanska глава, Sofija 1994]
- Тодоров С., Тодор Николаевич Минков. 1830–1906. Живот, дейност, заслуги, София 1970. [Todorov S., Todor Nikolaevič Minkov. 1830–1906. Život, dejnost, zaslugi, Sofija 1970]
- Хлебникова В.Б., Жизнь черногорских студентов в конце XIX-начале XX века. Надежды и реальность. Черногорцы в России, Москва 2011. [Hlebnikova V.B., Zhiznj černogorskih studentov v konce XIX-načale XX veka. Nadeždi i realnostj. Černogorci v Rossii, Moskva 2011] <https://inslav.ru/publication/chernogorcy-v-rossii-m-2011>

Vladymyr Gamza

**THE SOUTH SLAVIAN BOARDING SCHOOL OF TODOR MINKOV
AND THE EDUCATION OF SERBIAN AND MONTENEGRIN
YOUNG PEOPLE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY
20TH CENTURY**

Summary

The article deals with the previously unknown aspects of education of Serbian and Montenegrin youths in the South Slavic boarding school of Bulgarian enlightener Todor Minkov in the second half of the 19th – early 20th century. This institution was created by the permission of the Russian monarch in 1867 in the city of Nikolaev with the aim of concentrating the South Slavic youth in one place for secondary education. Balkan youths studied in a classical gymnasium, real and district schools. The boarding school combined educational and training functions, and its students largely integrated into the Russian philistine life of the second half of the 19th century.

In 1892, after the completion of the boarding school in Nikolaev, Todor Minkov opened a new institution in the Grodno province in Belarus as a class for preparing Bulgarians, Serbs and Montenegrins for entry into the military corps. The South Slavic Guest House II lasted until the death of its founder and keeper in 1906.

The South Slavic boarding house of Todor Minkov became the forge of the Balkan elites, who made a significant contribution to the liberation of their peoples from foreign rule and the construction of young independent states.

Keywords: Serbs, Montenegrins, Bulgarians, boarding school, Todor Minkov, gymnasium, real school, pupils, military corps.

Чланак примљен: 30. 03. 2019.

Чланак коначно прихваћен за објављивање: 28. 08. 2018.